

Некоторые изменения в склонении имён существительных в южнолемковском говоре села Хмелёва

Михал Вашичек

В этой статье мы исходим из языковых материалов, записанных нами в селе Хмелёва в 2015 году.¹ Хмелёва (слов. Chmeľová) находится на северо-востоке Словакии в Бардеёвском районе на расстоянии 14 км от районного центра и 6 км от государственной границы с Польшей. В прошлом она принадлежала к владениям замка Маковица в Шаришском комитате (Mušinka – Mušinka 2011: 70). По данным последней переписи населения, проведенной в 2011 году, в селе проживает 398 жителей, 185 из которых указало свою принадлежность к русинской, 177 — к словацкой, 25 — к украинской и один к цыганской национальности.² В качестве родного языка русинский указал 241 человек, словацкий язык — 129, украинский язык — 11.³

---

1 Выбор этого говора для настоящего анализа, помимо внешних факторов, обусловлен тем, что село Хмелёва расположено непосредственно на русинско-словацкой языковой границе — соседнее село Зборов уже словацкое, его говор относится к северношаришским восточнословацким диалектам. Решение вопроса о том, насколько в настоящее время интенсивны междиалектные русинско-словацкие контакты, является одной из целей данного исследования.

2 <http://portal.statistics.sk/files/obce-narodnost.pdf>

3 <http://portal.statistics.sk/files/obce-vlmaterinskeho-jazyka.pdf>

По классификации И. Панькевича говор Хмелёвой принадлежит к группе лемковских говоров (Панькевич 1938: 351). В украинской диалектологии за лемковскими говорами Словакии закрепилось название южнолемковские говоры. З. Ганудель включила говор Хмелёвой в западномаковицкую подгруппу маковицких говоров (Hanudel'ová 1993: 179). Хмелёва входит в сетку опорных пунктов «Атласа украинского языка» (АУМ II: 100), краткая характеристика говора была сделана В. Курашкевичем (Kuraszkiewicz 1985).

В селе Хмелёва были сделаны записи разговоров с шестью диалектоносителями разных поколений — MV31, JV55, AP50, AP56, MK52, MP87.⁴ JV55 — мужчина, все остальные информанты — женщины. Все родились в селе Хмелёва и живут в нём, за исключением MP87, которая во время сбора материала проживала в Братиславе. AP50 жила длительное время в другом селе и работала в г. Свидник. Родители большинства информантов — также уроженцы Хмелёвой. Все наши информанты двуязычны или многоязычны, кроме своего говора они владеют словацким литературным языком и ежедневно его употребляют, например, на работе. Только представитель самого старшего поколения оценила свою компетенцию в словацком как более низкую по сравнению со своим говором: *fšytcı t'ahame po starım | utrimujeme stare | my zname tag jak i po sloven'sky | ale ja slapše | ja slapše* (MV31).⁵

Интервью были записаны на диктофон и переписаны фонематической транскрипцией. Общий объём транскрипций насчитывает 69033 знаков без пробелов. Тексты были проанализированы при помощи программы «MonoCops». Объём полученного материала

---

4 Буквами обозначены инициалы информантов, цифрами обозначен их год рождения. Речь старшего (довоенного) и младшего поколений представлена в нашем материале всего одним информантом, поэтому предлагаемые в данной статье заключения о различии в речи отдельных поколений нужно считать предварительными и подтвердить их дальнейшими исследованиями.

5 «Мы все продолжаем говорить по-старому, сохраняем старое. Мы как бы знаем и по-словацки, но я слабше, я слабше».

позволяет провести анализ некоторых морфологических явлений, сравнить речь разных поколений диалектоносителей и выявить некоторые тенденции современного развития морфологической системы говора Хмелёвой (со второй половины прошлого века до настоящего времени). Мы сосредоточимся на явлениях, обусловленных языковым контактом со словацким языком. Кроме определения предполагаемого влияния литературного словацкого языка мы также попытаемся установить, могли ли проявиться в морфологической системе говора Хмелёвой контакты с соседними словацкими шарышскими говорами.⁶

Русинские диалекты Словакии были хорошо изучены и подробно описаны в прошлом; первые диалектологические записи этих говоров обнаруживаются в работах И. Верхратского, В. Гнатюка (Верхратский 1901; Гнатюк 1900), автором комплексного описания фонетики и морфологии всех южнокарпатских говоров является И. Панькевич (Панькевич 1938), говорам отдельных сёл посвящены работы О. Броха, Й. Виры, И. Панькевича, А. Куримского, О. Лешки и других исследователей (Брохъ 1899; Куримский 1961; Лешка 1973). Уникальным в общеславянском контексте является «Атлас українських говорів східної Словаччини» В. Латты (Латта 1991), включающий, за редкими исключениями, все населённые пункты с восточнославянским диалектом на территории Словакии. Лексика исследуемых говоров отражена, например в атласах З. Ганудель (Ганудель 1981–2010). Но в настоящее время имеется лишь очень ограниченное количество работ, посвящённых современному состоянию и развитию русинских говоров в Словакии. При этом в говорах за последние десятилетия произошли значительные сдвиги, вызванные в первую очередь влиянием литературного словацкого

---

6 Языковыми контактами между словацкими и восточнославянскими диалектами предложила заниматься Ю. Дудашова (Dudášová-Kriššáková 2001), сосредоточившись в своей статье на лексике. Словацко-русинским контактам посвящены также отдельные разделы книги «Dynamika jihokarpatských nářečí» (Vašíček 2020). Там же описывается современное состояние и динамика некоторых других частей языковой системы говора с. Хмелёва (с. 81–95).

языка. Настоящая статья стремится хотя бы частично заполнить эту лауну. Эта работа также ставит целью показать пользу составления диалектных корпусов (корпусов устно-диалектной речи) и подтвердить предположение о том, что даже технически несовершенные и небольшие по объему текстовые корпуса могут стать важной материальной базой современной диалектологии, и их анализ может принести весьма интересные результаты.

В центре нашего внимания находятся отдельные падежи склонения существительных, в которых мы сталкиваемся с дублетными окончаниями, одно из которых обычно представляет более древнее состояние говора, а второе — более новое, предположительно, обусловленное контактом с социально доминирующим языком.

Мы будем анализировать окончания в дательном и предложном падежах единственного числа существительных женского рода, оканчивающихся на *-a*, в творительном падеже единственного числа существительных женского рода, в родительном и предложном падежах множественного числа имён существительных всех родов. Эти падежные формы были выбраны для настоящего анализа по той причине, что они являются одними из самых заметных морфологических маркеров, различающих словацкие и русинские говоры, и именно в них проходили изменения, вызванные влиянием словацкого языка.

Формы дательного и предложного падежей имён существительных женского рода

В Д. и П. п. имён существительных жен. р., оканчивающихся на *-a*, используется окончание *-î*; в большинстве южнокарпатских говоров в этих падежах происходит чередование *k – c'*, *x – s' / š'*, *h – z' / ž'*, (*g – ž*). Некоторые говоры утратили указанное чередование, это явление картографируется в атласе В. Латты (Латта 1991: карта 156). Карта показывает, что данное изменение, несомненно, является результатом языковых контактов со словацким языком, так как оно распространено преимущественно в говорах западного Шариша, восточного Спиша, в южномаковицких и некоторых островных говорах, т. е. в диалектах, наиболее подверженных влиянию соседних

словацких говоров.

«Атлас словацкого языка» картографирует в шариишских говорах преимущественно формы с альтернативой – *ruce / -i, nože, macoše*, в северношариишских *macoxi* (ASJ II: 42-44). Ф. Буффа показывает, что чередование заднеязычных исчезает, главным образом, в западношариишских и среднешариишских говорах, тогда как в северношариишских, т. е. непосредственно соседствующих с исследуемым говором, оно еще сохраняется.⁷

Хмелёва на этой карте принадлежит к сёлам, в говоре которых чередование согласных в указанных падежах сохраняется. Однако в нашем материале чаще встречаются формы без чередования. Приведем примеры с минимальным контекстом по отдельным информантам:

MV31: *zo solomy kyčky | na strexî || na strîxî; mîj otec robil na regulačkî; moho vîta brat byl v hamerikî; a teper sud v amerikî dvoje što jix bapka vž'ala do ameriky; a tyx fotok | na jedn'ij strankî lem samy svadby mame; to bylo tak pri t'î ručkî; a tu na mašynkî š'a pr'alo z nohom; a toto v zajtkî si prinesli šŷtyko x t'îm portku; ale to d'îti nosili x pîlkî × stryk je h americ'î; bo mîj otez mal brata h americ'î i sestru; a mîj stryko už mal bl'axu | bo oni h americ'î; on si ustavl'al na t'îm fundošu tam pri draž'î; po draž'î lem tak lupkalo | lupkalo*

JV55: *a pot'îm zme prišli na to že stodola šak tu byla | na drahî*

MP87: *v mikolajovîj kapličkî*

AP56: *a v regetovkî moja mama mala sestru; mal červenyj naramok na rukî; (bandury) v šupkî vareny; na miskî abo na tan'îr'î byla zamiška robena; mîj otez i svokor si зробили taku d'îrku | taku*

7 «Pri velárach je však uvedená alternácia už značne narušená. Napríklad okrem formy *pri macoše*, v šar. nárečiach je aj *pri masoše* (vo vých. Šariši), *pri macoxe* (v záp. Šariši) a *pri macoxi* (v str. Šariši). Podobne sú rozmiestené formy *v zahrace / v zahratke / v zahratki*, ďalej popri formách typu *na nože, na draže, na ruce, na luce*, v *Americ*, ktoré v šar. nárečiach prevládajú, vyskytujú sa v povodí Torysy často aj formy *na luke, na ruke, v Amerike* a zriedkavejšie aj podoby *na nohe, na drahe*, ba v okolí Lutiny a Prešova aj formy *na luki, na ruki, v Ameriki, na nohi, na drahi*» (Buffa 1995: 127–128).

*jamku seret toho tan'ira | ft'ij zamiškî; tajag mačanka na t'ij juškî
s kapusty š'a varit; kid' odvarili kapustu tak na ty | na tri dn'î f
xladničkî ako ten var × na bl'aš'î š'a peklo*

MK52: f parku š'îdila na lavočkî

*AP50: kotry d'îti š'a | abo rodiči ozvali po rusnacky ta z nima jem
š'a dohvar'ala | jinakše po sloven'sky f školî; kîm s'a dvihne s
kresla spret televizora do kuxin'î gu pevn'ij linkî taj vypne; a tym že
s'a polivalo vodov na lukî; ale jak polotno ta štiri načelnic'î byli | a
po jedn'î nitočkî tak husto bylo; a toty mužove sesternic'î tu majut
xaty na regetovkî; no što my budeme f t'ij amerikî robiti; ja š'a
dohvarila v amerikî; tu je vofxustkî | tu mama a tu n'an'o; tu nosila
tu d'îtinu na t'ij pilkî; na jedn'ij rukî nesla; to bylo na paprikî⁸*

---

8 MV31: *из соломы «кички» (составные компоненты соломенной кров-
ли) на крыше; мой отец работал на газорегуляторной станции; брат
моего отца был в Америке; а теперь они в Америке, двое, которых
бабушка взяла в Америку; а сколько фотографий, на одной странице у
нас есть одни свадьбы; это было так, рядом с той ручкой; и здесь на
машинке (самопрялке) пряли ногами; а это в «зайдке» (приспособление
для переноса в основном травы и сена на плечах) они принесли всё в
этой парусине; но детей носили в пилке (тканина, которую завязыва-
ли через плечо и носили в ней детей во время работы в поле); дядя в
Америке; потому что у моего отца был брат в Америке, и сестра; а у
моего дяди была уже жестяная крыша, потому что он был в Америке;
он построил себе (дом) на этом участке около дороги; по дороге
только лупило*

*JV55: а потом мы дошли до того, что здесь ведь был сарай, около
дороги*

MP87: в часовне св. Николая

*AP56: а в Регетовке (соседнее село) жила сестра моей мамы; у него
был красный браслет на руке; (картошка) варёная в шкурке; на миске
или на тарелке готовилась замиска – похлёбка, жидкая каша из
муки, варёная на воде или молоке); мой отец и свёкор сделали себе та-
кую дырку, такую ямку в середине этой тарелки, в этой «замиске»;
варится, как и мачанка (грибной соус) на этом рассоле из капусты;
когда сварили капусту, тогда на эти, на три дня в холодильник этот
рассол (поставили); на противне пекли*

MK52: в парке сидела на лавочке

В речи самой старой информантки старшего поколения отмечено десять употреблений без чередования и пять употреблений с чередованием. Далее следует отметить, что если основа заканчивается группой согласных, чередования никогда не происходит. Если основа заканчивается на одиночные *k*, *x*, *h*, в речи той же информантки появляются употребления с чередованием и без него, иногда даже в одних и тех же словах, срав. *h americ'î* (3×) × *v (h)amerikî* (2×).

В речи остальных информантов были зафиксированы только формы без чередования (итого 20 употреблений) за единственным исключением: *na bl'aš'î* от AP56. Атлас Латты не приводит формы без чередования в Хмелёвой даже как дублетные; в пятидесятые и шестидесятые годы XX века, когда собирались материалы для атласа, преобладали формы с чередованием, в настоящее время в речи носителей молодого и среднего поколения почти исключительно встречаются формы без альтернации. Из этого следует, что речь идёт о сравнительно недавнем изменении.⁹ Свою роль здесь

AP50: *дети или родители, которые заговорили по-руснацки, с ними я разговаривала по-руснацки, иначе по-словацки в детском саду; пока поднимется из кресла перед телевизором на кухню к стационарному телефону, он выключится (перестанет звонить); а этим что поливали, водой на лугу; но как полотно (ткали), то четыре ничельницы были, а по одной ниточке так густо было; а у этих двоюродных сестёр мужа есть дачи здесь в Регетовке; ну, что же мы будем в этой Америке делать; я договорилась в Америке; здесь она в платке, здесь мама, а здесь папа; здесь носила ребёнка на «пилке»; на одной руке несла; это было на «Паприке» (телеканал)*

9 Это зависит от меры достоверности, которую мы приписываем данным атласа Латты. Данные атласа во многих отношениях точны и надёжны, что многократно подтверждалось при сравнении результатов нашего исследования с картами атласа. Что касается карт, посвящённых морфологии, возникает вопрос, насколько было возможно при использованном Латтой методе исследования (анкетирование) зафиксировать дублетность окончаний. Материал, полученный путем анализа диалектных текстов, показывает нам большую вариабильность морфологической системы говора.

помимо словацкого языка могло сыграть также влияние расположенных к западу шарышских русинских говоров, в которых чередование исчезло ранее. В атласе В. Латты формы без чередования картографируются как параллельные уже в сёлах Вышний и Нижний Тварожец, расположенных недалеко от Хмелёвой (Латта 1991: к. 202). Объяснением такому, казалось бы, очень быстрому распространению новых форм может служить и то, что Латта картографировал, в первую очередь, формы дательного и предложного падежа слов «рука», «нога», «муха», «Америка» (Латта 1991: 48), т.е. слов без группы согласных в основе, где, как следует из нашего материала, исчезновение чередования произошло позже. Таким образом, процесс мог начаться уже во время сбора материала Латтой и не нашёл отражение на карте.

Творительный падеж единственного числа имён существительных женского рода

Для большей части лемковских говоров в Т. п. ед. ч. имён существительных женского рода характерны формы с окончанием *-om*. Оно выступает также в склонении прилагательных, то же окончание имеют и формы местоимений: *тнот, тобот, собот, п'ом*.

Это окончание из области Маковицы зарегистрировано в ряде диалектологических источников, оно характерно и для традиционного слоя говора Хмелёвой (Латта 1991: к. 211). Наше исследование зарегистрировало его последовательное употребление только в речи старшего поколения. Параллельно в Хмелёвой было зарегистрировано окончание Т. п. ед. ч. существительных жен. р. *-ov*, которое распространено в южнокарпатских говорах, находящихся на востоке от линии Вышний Комарник — Гунковце — Ладомирова — Вагринец — Вислава — Потоки — Бокша — Колбовце — Якушовце — Рогожник. В перечисленных сёлах Латта отмечает окончание *-om*, в Гунковцах и Ладомировой параллельно также *-ov* (Латта 1991: к. 211).¹⁰ Ввиду того, что эта линия находится на расстоянии прибли-

---

10 Похожим образом границу обоих окончаний определил уже Иван Панькевич: «Границя цього явища іде від горішнього Лабірця долиною ріки

зительно 30 км к западу от исследованного села, мы полагаем, что распространение окончания *-ov* в говоре Хмелёвой не является результатом междialeктного контакта, а что это окончание было заимствовано из литературного словацкого языка, где в Т. п. ед. ч. жен. р. существует фонетически тождественное окончание *-ou*.¹¹ Однако наличие окончания *-ov* в Т. п. ед. ч. имён существительных жен. р. в других русинских говорах могло ускорить проникновение этого окончания в говор села Хмелёвой. Далее мы представим полученный материал и попытаемся его более подробно проанализировать.

MV31: oni tam si t'iš postavili novyj domik | brat zo ženom; jag byla zos zuzankom tu minule; tag my furd do stryka hor'ī zahorodom byla steška vybružena; na š'vata | na r'īstvo | byli tu | bratn'ak zo ženom; ja tam byla za dva tyžn'ī ta ja tam poxodila | ta i zos mojom sestr'anicom; pred vojnom; naš vasil' jak ponuknul s pal'unkom; a n'īmc'ī tu poš'īdali domu c'īlom xyžom stoly a pit'a | všelijake jīd'īn'a; mīj brat xodil z vašom tetom; mezi stajn'om | aj mež'ī xod'om abo xyžom | to bylo toto bojisko; ja byla z jednom pan'om h nemocnici; to bylo tak pri t'ī ručkī | s takom kožom jako privjazane dobr'ī | žeby ne buxlo dakomu do tvari; ta tak uš to z nohom š'a pr'alo; a tu na mašynkī š'a pr'alo z nohom; a š'a z nohom krutilo tag na t'īm pedaločku; i š'a bililo polotno | na rīn' zme nosili a polivali vodom; a tam zme mali nad vašom xyžom pole;

Ондави а від В. Свидника її притоком до гори через села Капішову, Кружльову, Вапенік» (Панькевич 1938: 217-218). Как видно, в северном участке он проводит данную изоморфу западнее, чем Латта. Там же Панькевич приводит два употребления окончания *-ov* из Шарбова, атлас Латты в Шарбове картографирует окончание *-om*. Пожалуй, окончание *-om* здесь действительно вытеснило другое окончание, продвигаясь на восток.

- 11 Наш материал из сёл Свидницкого и Стрпковського районов свидетельствует о том, что эта изоморфа сохраняется в своей северной и южной частях. Её сдвигов к западу не происходит. В селе Гунковце (Свидницкий район) было отмечено только окончание *-om*, в селе Пискоровце (район Вранов-над-Топлёу) только *-om*, в говоре села Завада (район Гуменне) — только *-ov*. Наш материал также показывает, что наличие в Т.п. ед. ч. существительных жен. р. дублетных окончаний, как в говоре села Хмелёва, для других лемковских говоров не характерно.

*ja zo sestričkom odkazuju na marču; ale mîj muš ne išol zo **mnom**; ta už za **mnom** to š'a h mojîj rodin'î ne oddavali; a ona š'a tak navčila po našomu | što š'a z **n'om** jej d'îvka vadila;*

JV55: no to byl pred vojnov postavenyj (dom); tak xodili za robotov jag i teper xod'at; mezi maštaln'ov | stajn'ov | de byval dobitok

AP56: kit š'a silov tota voda pustit; obar'any bandury | s kapustov; a moja mama ket'pekla (bandur'aniky) | to š'i š'a (terlo) rukov bo žadny roboty ne byli; xto xot'il posoliti sol'ov; halušky s kapustov | zo solotkov kapustov

MK52: ket topl'u do peca | ta zhartam s tov kočerhov

AP50: vytkali a pot'îm toto šytko š'a bîlilo (...) a tym že š'a polivalo vodov na lukî; to š'a zovalo | zvalo stružl'ak | a naplnilo š'a to solomov (...) s tov solomov žytn'ov naplnili | najl'îpše žytn'ov napln'ali ty slamen'aky; a ket š'a tkalo polotno tak š'a zamîtuvalo t'îž lem lenovym tym | hej že nitkov | musili lem fšytko nitkov; pot'îm toto jakoska zaterali | bo to vyzerat jak by to smolov bylo za...; ja ne znam što budu mala s tov krčnov xrticov; na to š'a dala palička s tov pr'azov × ale robili i plaxty (...) a slameniky bo dakoli š'a solomom na...; no ale my zme to z mamom si to zjednodušyli; jednom nitkom vam to ukazuju lem | ale jinakše jde to zos šesnecat' nitkami; jedna post'il'ale i troje zme spali hej | my staršy po krajî a fse zme mali surod'enca mezi sobom takoho menšoho

MP87: a pravî š'a hovorit že v mikolajovîj kapličkî pît zeml'ov (...) že pît tov kameninovov podlahov; taka kombinacija oranžovoj z bîlov; to latano jš'î hlinov; moloko s pînov¹²

-
- 12 MV31: они там тоже построили себе новый домик, брат с женой; когда была с Зузанкой здесь прошлый раз; так мы всё к дяде (ходили), вверх садом была тропинка протоптана, на праздники, на Рождество были здесь, двоюродный брат с женой; я там была две недели и я там поездила, и с моей двоюродной сестрой; до войны; наш Василь, как угостил горелкой; а немцы здесь расселись, по всей комнате столы и питье, всякая еда; мой брат встречался с вашей тётей; между хлебом и между прихожей или избой был этот ток (гумно); я была с одной женщиной в больнице; это было так около ручки такой кожей привязано хорошо, чтобы не ударить кого-то в лицо; да так, уже ногой прями; на «машинке» (самопрялке) прями ногой; а ногой крутили

В речи представительницы довоенного поколения MV31 были зарегистрированы только формы с окончанием *-от*, (20×, вместе с формами прилагательных и местоимений 28×). Информантка AP50 использовала чаще окончание *-ов* (8×, вместе с формами прилагательных и местоимений 14×), но окончание *-от* в её речи еще встречается (3×, вместе с формами прилагательных и местоимений 5×). В речи остальных информантов в данном падеже было зарегистрировано только окончание *-ов* (JV55 4×, AP56 7×, МК52 2×, МР87 7×). Итак, исходное, более древнее окончание *-от*, которое еще сохраняется в речи представителей старшего поколения, в речи

так на этой педали; и белили (отбеливали) полотно, к реке мы носили и поливали водой; а там у нас было над вашим домом поле; я через медсестру передаю привет Марче; но мой муж не пошел со мной; а уже после меня в моей семье не выходили замуж; а она так научилась говорить по-нашему, что с ней её дочь ссорилась

JV55: *это был дом, построенный до войны; так ездили за работой, как и теперь ездят; между хлевом, где был скот*

AP56: *если силой эту воду пустить; варёная картошка с капустой; а моя мама, когда пекла драники (картофельные лепёшки), тогда ещё тёрли рукой, поскольку никаких роботов не было; кто хотел посолить солью; галушки с капустой, со сладкой капустой*

МК52: *когда топлю печь, тогда выгребаю этой кочергой*

AP50: *выткали и потом это всё белили (...) а тем, что поливали водой на лугу; это называлось «стружляк» (соломенный матрац), это наполняли соломой (...) этой ржаной соломой набивали; лучшие всего ржаной набивали эти матрацы; а когда ткали полотно, тогда /забрасывали/ тоже только льняным этим, нитью, надо было всё нитью, потом это как-то затирали, потому что это выглядит как будто смолой за...; я не знаю, что у меня будет с шейным позвоночником; на это положили палочку с этой пряжей – но делали и простыни (...) и матрацы, поскольку когда-то их соломой на...; но мы с мамой это себе упростили; одной лишь нитью я вам показываю, но иначе это делают 16 нитями; одна кровать, но даже втроем мы там спали, да, мы, кто старше, с краю, а всё у нас был младший брат или сестра между нами*

МР87: *и как раз говорят, что в часовне св. Николая под землёй, что под этим полом; такая комбинация оранжевого с белым; это ещё глиной мазано; молоко с пеной*

говорящих младшего и среднего поколений вытесняется или совсем замещается окончанием *-ov*, заимствованным из литературного словацкого языка .

Родительный падеж множественного числа существительных

В формах Р. п. мн. ч. существительных мужского рода в говоре Хмелёвой сегодня конкурируют окончания *-îv* и *-ox*, причем второе, явно более новое, заимствовано из словацких шарышских говоров. Некоторые существительные с мягкой основой и слово *l'ude* сохраняют окончание *-ij* или *-ej*. Те же окончания выступают и в В. п. мн. ч. одушевлённых имён мужского рода (у многих неличных существительных появляется окончание *-y*).

На основе данных атласа В. Латты мы могли бы прийти к заключению, что окончание *-ox* в говоре Хмелёвой появилось совсем недавно, так как здесь картографируются только окончания *-ий* (т. е. *-îv* в нашей фонематической транскрипции; Р. п. мн. ч. имени существительного «хлоп») и *-ей* (т. е. *-ej* в нашей фонематической транскрипции; Р. п. мн. ч. имени существительного «кінь») (Latta 1991: карты 202, 203). Но работы И. Панькевича и И. Верхратского свидетельствуют о том, что проникновение окончания *-ox* в формы Р. п. мн. ч. старше: оно происходило уже в более раннее время (Панькевич 1938; Верхратский 1901). Панькевич отмечает его на всей территории к западу от реки Уж: «Накінець треба згадати на закінчення *-och*, яке поширене вже долами від Уга а дальше силніше від Лабірця на захід». Далее он приводит примеры употребления окончания *-ox* в Р. п. мн. ч. имён существительных мужского рода (большинство примеров взято из работы Верхратского, за ними Панькевич помещает собственные записи): «*пришол до тых хлопox* (В. Орліх), *барз вельо воўкох* (Луків), *не было шваблікох* (Комлоша), *в докторох мы были в містьї, през будинкох* (Лівів), *зо снопох, для тых быкох* (Бодружал), *од сусьїдох* (Старіна), *до крякох* (Бехерів), *двох воякох* (Збійне), *великих панох* (В. Свидник) – *st|užyl vîn tam u t|ych razboj|ykoč* (Нікльова), *r|ohi odlet 'îli s tich v|oloch* (Шом)» (Панькевич 1938: 191). Среди них приведены также примеры из Хмелёвой, прежнее название которой «Комлоша», и соседнего села

Бехерёва. Панькевич также приводит формы с окончанием *-ох* в Р. п. мн. ч. существительных среднего и женского рода, опять вслед за Верхратским: *я іци не видьв такох ябокох* (Курів), *зо стеблох* (Кремпах), *до склох* (Бехерів), *вайцох* (Лівів) (Панькевич 1938: 237); *із шатох* (Чертіжне, В. II, 76), *до свічкох* (Чірч), *він тільки гадкох зна* (Бехерів), употребление указанных форм существительных жен. р. Панькевич оценивает как одиночные случаи (Панькевич 1938: 219).

Панькевич также отмечает, что процесс распространения окончания *-ох* в формах Р. п. мн. ч. обусловлен контактом с восточнословацкими говорами: «Тепер ці форми починають бути відомі й коло Ужгороду, перенимані з говорів східньо-словацьких, де вони є пануючими. Форма ця перенесена з loc. pl. *-u* пнів не без впливу форм займеникової деклінації, де gen. plur. = loc. plur.» (Панькевич 1938: 191).

Большинству восточнословацких диалектов действительно свойственны формы Р. п. мн. ч. с окончанием *-ох*. «Атлас словацкого языка» картографирует на большей части территории восточнословацких говоров формы с окончанием *-ох*: *ženox, šidlox, zifčatox, jadrox, peršox, skridlox, metlox, ihlox, cehlox, hušlox, hroznox, kartox, ofcox, hruškoх / -ek, švičkoх, jamkoх, sinoх, dušoх, zverox /-ri, uxox / ušoх* (ASJ II: 88-107). Но в самой северной полосе шарышских говоров картографируются преимущественно формы с окончанием *-uf*, реже с *-i* или нулевым окончанием: *ženox, šidluf, zifčat, jadruf, perši, skridluf, metluf, ihluf, cehluf, hušli, hroznuf, kartuf, ovec, hrušek, šviček, jamkuv, sinuf, dušuf, zver, uxuf*, причем формы с нулевым окончанием часто имеют более широкое распространение (ASJ II: 88-107). Такое же положение отмечает Ф. Буффа.¹³ Приведем несколько примеров преобладающих форм Р. п. мн. ч. у того же автора: *ot sinoх, sušedox, xlopoх, gazdoх, s koňox, ot psoх, zo stromox, košík kolačox, narobil snopox; mestox, ľicoх, s pl'ecox, (vecej) vrecinkox, zecox, ženox, gazdiňox, zifkoх, studňox, ofcox, dlaňox, śl'ifkoх, švičkoх,*

13 «V G. pl. má väčšina šar. nárečí (a výchsl. vôbec) unifikovanú koncovku *-ox* (...) V sev. okraji Šariša je v G. pl. koncovka *-uf* (Gaboltov pri Sveržove, Dl. Lúka a Zborov, Stebn. Huta pri Smilne) alebo *-of* (Smilno)» (Buffa 1995: 125).

zahratkox, deskox, zverox, (s tix) žemox, (vel'o) blixox, (malo) grul'ox, (šeno s) kupkox» (Buffa 1995: 126, 130, 133). В северном Шарише и в долине реки Топли у существительных жен. рода Буффа отмечает параллельные формы с нулевым окончанием, напр.: *hrušek, bandur, oves, knížek, do novinek, šviček, zahradek, desek, živek, gazdiň, z ruk»* (Buffa 1995: 130). Формы *pl'if, virb, hur, ihel, isker* по данным Буффы употребляются только на территории к северу от г. Бардеёв (Buffa 1995: 130).

Против факта широкого распространения окончания *-ox* в формах Р. п. мн. ч. в говоре Хмелёвой в прошлом свидетельствует современный диалектный материал из этого села: в речи информантки старшего поколения оно вообще не было отмечено. Представим зафиксированные формы Р. п. мн. ч. существительных всех родов и В. п. мн. ч. одушевлённых существительных мужского рода:

MV31: *mama navarila perohîv; ja tam mala surod'encîv; zajac'îv z'me mali; kobasy zme robili | šelijaky našy pekli | pripravovali zo zajac'îv; tel'o | my by | teper laxîv mali; z bohatyx štat'îv; nam davali takyx kuz laščîv; tri mîxy laxîv; on'î jîž'in'a tam mali | i burakîv, o pjad'rokîv; deš'at sxod'îv; tu xod'at na nafšt'evu s prešova s košyc do našyx suš'id'îv; deš'ad rokîv ma; bo jim šingl'îv ne dostalo; tam rusnakîv v zborovî malo jest; jag my tu xlopîv xovali na pît × a tam mali dvoje d'îtej × a tyx fotok; a my mali tak perebuduvanu kuxn'u | z doščok; šo tu knižok i š'vatyx i | takyx obyčajnyx; s košyc (2×), trebalo iš'i odnesti jajec; mame staryx bandur*

MP87: *vel'o optant'îv pîšlo × tu mnostvo l'udij; tyx staršyx l'udij š'a možeme oprositi*

AP56: *a to t'îš byl zažytok ket nas tam | pozakručali do tyx san'ox × pjat' či šest' tyx konarîv × a š'a furd na nas zlostila že | že jî bereme s pîd ruk; tam bylo najvece žen | najvece bap; halušky z bandur*

MK52: *dvanacad'rokîv, a teras bes problemîv kupime × a teras n'ît pîn'azij*

AP50: *tríc'at' všem rokîv; toty krosna majut kolo dvasto rokîv; das sto š'imdeš'at | sto viš'emdeš'at rokîv; tam mam par pokrovc'îv urobenyx; všemnacet gankîv; što š'a tykat tkan'a pokr'îvc'îv; v n'ijorku už n'ît opxod'îv; na t'îlko znakîv xoču; dva sto rokîv × dvaraz jem byla autom na ukrajîn'i | svojim autom u našyx rodakox*

krajanox; mam tu pomocnikov; žebyste mali pamjatku zo slovenska | zos rusiniox; što s'a tykat pokrîvc'ox; zo zbitkox; uš š'a znalo že t'îlko mat tutyx očkox; tota strana jde do tyx očkox | tota strana de do tyx očkox; jag uš š'a tu navije ta zo začatku bo byzme muš'ili barz vel'o nitkox tam dati | tak poloten'ce š'a davat; s tyx l'anovyx nitkox robili; f t'îm pasmî ja mam šîsnac'at' nitkox | šîsnac'at' nitkox; teper ja to robju takyj pokrovec tu s paru farbox; s tyx dvox farbox; bo je kombinacija ššelijakyx latkox; taže or 'îzujte šytko | ne žalujte | r'andox jezd dost; na takî tonic'ky pasiky r'îzali r'andox × do pjatoho koren'a tu l'udej poznala; troje l'udej treba pri t'îm; do teploty trîcat stupnej; lem do trîcat stupnij × zos snovalnic, fš'ady n'ît hranic; ja zoza krosen vyjdu; tak toto je c'îla zostava krosen¹⁴

14 MV31: *мама наварила вареников; у меня там были братья и сёстры; кролики у нас были; колбасы мы делали, всякие наши пекли, готовили из кроликов; столько бы сейчас у нас было одежды; из богатых государств; нам давали понемногу такой одежды; три меха одежды; у них еда там была, и свёкла; через пять лет; десять ступенек; сюда приезжают гости из Прешова, из Кошиц, к нашим соседям; ему десять лет; потому что у них гонтов не хватило; там в Зборове мало руснаков (русинов); как мы здесь мужчин прятали на чердаке; а там у них было двое детей; а фотографий сколько; а у нас была так перестроена кухня, из досок; сколько здесь книжек, и святых, и таких обычных; из г. Кошице (2×); надо было ещё отнести яиц; у нас есть старая картошка*

MP87: *много оптантов ушло; здесь множество людей; нам можно спросить этих старых людей*

AP56: *это тоже производило впечатление, когда нас туда позакручивали (в одежду) в эти сани; пять или шесть этих веток; и она всё время злилась, что мы берём у неё из-под рук; там было больше всего женщин, больше всего баб; галушки из картошки*

MK52: *двенадцать лет, а теперь без проблем можно купить; а теперь денег нет*

AP50: *38 лет; этому ткацкому станку около 200 лет; где-то 170-180 лет; там у меня есть несколько готовых ковриков (килимов); 18 «ганков» («ганками» измеряется величина бёрда); что касается тканья ковриков; в Нью-Йорке уже нет магазинов; на сколько знаков хочу; 200*

В речи представительницы старшего поколения MV31 были отмечены только окончания *-îv*, *-ej* и *-Ø*; окончание *-ox* у неё в Р. п. мн. ч. не встречается. Информантка AP50, которая на 19 лет младше, чем MV31, наоборот, употребляет окончание *-ox* в Р. п. мн. ч. достаточно часто, оно появляется в её речи также в формах имён существительных женского и среднего рода наряду с нулевым окончанием. В речи информантов среднего поколения наблюдаются определённые индивидуальные отличия, подавляющее большинство употреблений окончания *-ox* принадлежит одной информантке (AP50).

Окончание *-ox* в формах Р. п. мн. ч. имён существительных жен. р. употреблялось информанткой AP50 во всех случаях, когда основа слова оканчивалась на группу согласных, и форма с нулевым окончанием потребовала бы разделения этой группы вставным гласным. В случаях, когда основа оканчивается на один согласный, а форму Р. п. мн. ч. можно образовать без вставного гласного, используются формы с нулевым окончанием: *snovalnic*, *hranic* (AP50), *ruk*, *bar*, *žen*, *bandur* (AP56). Информантка MV31 употребила формы с нулевым окончанием и вставным *-o-*: *fotok*, *doščok*, *knižok*.

У существительных ср. р. окончание *-ox* в Р. п. мн. ч. было отмечено только в форме *oškox* (3 употребления, AP50). Та же инфор-

---

лет; я два раза ездила на машине на Украину, на своей машине к нашим землякам; у меня здесь есть помощники; чтобы у вас был сувенир из Словакии, из (края) русинов; что касается ковриков; из остатков; уже было известно, сколько у него этих петель; эта сторона идёт (нанизывается) в эти петли, та сторона идёт в те петли; когда уже здесь навито, то сначала, поскольку очень много нитей пришлось бы туда вставить, кусок полотна кладут; из этих льняных нитей это делали; в этом мотке у меня есть 16 нитей, 16 нитей; сейчас я делаю такой коврик из нескольких цветов; из этих двух цветов; потому что это комбинация всяких разных тканей; обрежьте всё, не жалейте, тряпок хватит; на такие тоненькие полоски резали тряпки; до пятого поколения здесь людей знала; трое людей при этом нужны; до температуры 30 градусов; только до 30 градусов; из сновалок; всюду нет границ; я выйду из-за ткацкого станка; вот это весь набор ткацкого станка

мантка употребила также форму *krosen* с нулевым окончанием и вставным гласным *-e-*.

Мягкие типы склонения сохраняют окончание *-ij / -ej*: *pin'azij, stupnij, l'udij, d'itej*.

Интерпретация этих данных не совсем очевидна. Проникновение окончания *-ox* в формы Р. п. мн. ч. существительных является результатом выравнивания форм внутри парадигмы, вызванного подобным процессом в восточнословацких диалектах. Но самые близкие северношаришские словацкие говоры до недавнего времени таких форм П. п. в функции Р. п. не имели; они проникали сюда только со второй половины XX в., как показал Й. Билски (Bilský 2016: 29–31).

В говоре Хмелёвой эта тенденция является результатом языковых контактов не с говорами ближайших словацких сёл Зборов, Смилно и Стебница Гута, а, скорее, с диалектами культурных центров, которыми являются города Бардеёв и Прешов.

Скорее всего, это более древняя тенденция, усиливающаяся в настоящее время, особенно в идиолектах некоторых носителей диалекта. Это весьма удивительный факт, так как в настоящее время вряд ли можно было предположить рост влияния восточнословацких диалектов на русинские говоры, поскольку для носителей как русинских, так и восточнословацких диалектов престижным языковым кодом является словацкий литературный язык.

Предложный падеж множественного числа существительных

Окончание П. п. мн. ч., к сожалению, не картографируется атласом В. Латты, поэтому для установления более древнего состояния воспользуемся данными И. Панькевича и «Атласа словацкого языка». И. Панькевич отмечает в западной части южнокарпатских говоров дублетные формы П. п. мн. ч. имён существительных мужского рода с окончаниями *-ox* и *-ax*, за исключением Спиша, где преобладает окончание *-x*.

В части южнокарпатского диалектного ареала окончание *-ox* проникло даже в парадигмы имён существительных женского рода. Панькевич об окончании *-ox* в П. п. мн. ч. существительных жен.

р. пишет: «...закінчення *-och* поширилося дуже і воно виступає в середніх західніх говорах а між Топлею і Лабірцем дуже поширене а навіть доходить до ріки Уга» (Панькевич 1938: 220).

У существительных среднего рода, по данным Панькевича, в сёлах на запад от реки Уж наряду с окончанием *-ax* встречается также окончание *-ox*; среди примеров он приводит также один из Хмелёвой, заимствованный у Верхратского: «*по дырвох скаче* (Комлоша)» (Панькевич 1938: 220).

«Атлас словацкого языка» в северношаришских словацких и соседствующих с ними западномаковицких русинских говорах, к которым принадлежит и говор Хмелёвой, картографирует у существительных всех родов только окончание *-ax*: *sinax (synax), domax, koňax, obrazax, časax, vozax, mestax (mistax), živčatax (d'üčatax), ženax, koscax (kost'ax)* aj. (ASJ II: 117–129). Однако в большинстве маковицких диалектов, главным образом в Свидницком районе, у существительных всех родов картографируется окончание *-ox* (ASJ II: 117–129). Система флексий в северношаришских говорах была затронута тенденциями к нивелированию, в результате чего узкодиалектные черты были утрачены. В говоре села Длга Лука Йозеф Билски констатирует утрату окончания *-ax* в П. п. мн. ч. существительных и её замещение окончанием *-ox* (Bilský 2016: 29–31).

Представим наши материалы из села Хмелёва:

MV31: *bo vîn robil po ur'adox; na vož'î na konox; bratn'ak žyl h orkucanox; ta to uš toty družyčky v bílyx šatox takyx všelijakyx; to určít'î po tyx staryx domox po suš'îdox iš'î jest × tam mašl'î | maš'lí toty na zad'î | na volosax jî vidno; nonaško prišol tu i z d'ítmi što žyjut fkošycax; na rukax tu baba naša; ale i na krosnax jem znala robiti*

JV55: *to š'a zaxovalo | na svad'box iš'î robl'at × a tu xto na rukax; byl'anika || to je vnat'na bandurax*

MP87: *my zme š'a pri ran'ajkax dohvar'ali*

AP56: *spîd jag na klasickýx sankax; na takyx maličkost'ax; ja fčera biš'îdovala o t'îm | i o voroškax*

MK52: *jak xodili po večerox poroti pîr'a*

AP50: *za toto što prodali na tyx jarmokox; bo dakoli po večerox v*

zimî jak voseni roboty porobili tak s'a pr'alo; kit'xočete dašto znati vece š'î o pokrovc'ox; dakoli zme do školy xodili lem f teplakox; l'ude už zarabjali | po fabrikox xoc de robili; no a xodilo s'a f topankox; ženy xodili po večerox po xyžox; toto šytko de to mam | f sypan'c'î | jem mala v rostokox × v rostokax zme byli; ket š'a osnuje na snovalnicax; ja trimu hrebîn' v rukax; rajbajut pokr'îvc'î v automatickых pračkax; zato š'a ne rajbe v vyšyx teplotax; pokrovc'î l'ude vel'o ne mali po xyžax¹⁵

В. П. п. мн. ч. имён существительных всех родов встречаются дублетные окончания *-ox* и *-ax*. Из полученных данных также следует, что у существительных мужского рода преобладает окончание *-ox*, у существительных женского рода окончание *-ax*, но и у них встречается окончание *-ox* достаточно часто. Вероятно, здесь сталкиваются две разные тенденции, ни одна из которых в данном

15 MV31: *потому что он работал в учреждениях; на возе, на лошадях; двоюродный брат жил в Оркуцанах; а это уже «дружички» (девочки, сопровождающие невесту) в белых нарядах таких всяких; это точно ещё есть по старым домам, по соседям; там ленты, ленты эти сзади, на волосах её видно; крёстный приехал сюда с детьми, которые живут в Кошицах; на руках здесь наша бабушка; но и на ткацком станке я умела работать*

JV55: *это сохранилось, на свадьбах ещё так делают; а здесь кто на руках?; «былянка» – это ботва картошки*

MP87: *мы обсуждали это за завтраком*

AP56: *нижняя часть как на классических санках; на таких пустьках; я вчера говорила об этом, а также о гадании*

MK52: *как ходили по вечерам пороть перье*

AP50: *за то, что продали на этих ярмарках; потому что когда-то по вечерам зимой, когда осенью весь труд завершили, тогда пряли; если хотите ещё побольше узнать о ковриках; когда-то мы в школу ходили только в (спортивных) штанах; люди уже зарабатывали, на фабриках, где угодно работали; ну и ходили в ботинках; женщины ходили по вечерам по домам; это всё – где оно у меня есть? – в клунье это было, в Ростоках; в Ростоках мы были; когда снуют на сновальницах; я держу гребень в руках; стирают коврики в автоматических прачечных машинах; поэтому не стирают при более высоких температурах; ковриков раньше много не было у людей по домам*

говоре не смогла вполне развиться; первая — это проникновение окончания *-ох* в формы П. п. мн. ч. существительных всех родов, характерное для восточнословацких диалектов, вторая — дистрибуция окончаний *-ох* и *-ах* по родам, характерная для литературного словацкого языка. Что касается влияния восточнословацких диалектов, речь идёт о результатах контактов с языком более отдалённых культурных центров, а не с соседними северношаришскими диалектами.

Если сравнить это состояние с данными «Атласа словацкого языка», следует заметить, что в последние десятилетия произошло распространение окончания *-ох*, которое вытесняет более старое окончание *-ах*. Но данные Панькевича и Верхратского убеждают нас в наличии окончания *-ох* в западномаковицких говорах уже в более древнее время. Таким образом, современные материалы свидетельствует, скорее, только о повышенной частотности его использования. Следующим доказательством древности параллелизма обоих окончаний является вышеописанное проникновение окончания *-ох* в формы Р. п. мн. ч., которого не могло бы произойти, если бы окончание *-ох* не имело уже свое прочное место в П. п. мн. ч.

Заключение

Мы последовательно проследили четыре тенденции развития морфологической системы говора Хмелёвой, обусловленные языковым контактом с литературным словацким языком и восточнословацкими говорами: 1) утрату чередования заднеязычных в дательном и предложном падежах единственного числа имён существительных женского рода, 2) проникновение окончания *-ов* в формы родительного падежа единственного числа имён существительных женского рода и одновременную постепенную утрату окончания *-ом*, 3) проникновение окончания *-ох* из предложного падежа множественного числа в формы родительного падежа множественного числа существительных всех родов и винительного падежа множественного числа одушевлённых существительных мужского рода и 4) тенденции, влияющие на дистрибуцию окончаний *-ах* и *-ох* в предложном падеже множественного числа. Эти из-

менения являются результатом контактов с доминирующим языком. Частично они являются продолжением более старых тенденций, вызванных влиянием восточнословацких диалектов: синкретизм предложного и родительного падежей и предложного и винительного падежей, частично результатом более новых, но интенсивных контактов с литературным словацким языком: утрата чередования, начавшаяся в соседних говорах уже раньше как следствие влияния восточнословацких диалектов, и прежде всего проникновение окончания *-ov* в творительный падеж единственного числа имён существительных женского рода. В предложном падеже множественного числа сталкиваются различные влияния обоих вариантов словацкого языка, находящихся в контакте с исследуемым говором. Наш анализ также установил индивидуальные отличия в речи отдельных диалектоносителей.

Приведенные заключения имеют, скорее, предварительный характер. Для более детального анализа всей морфологической системы говора, который позволил бы одновременно большую индивидуализацию языковых данных, нужно собрать большее количество языкового материала и составить настоящий диалектный корпус.

Список сокращений и условных обозначений

И. п. – именительный падеж

Р. п. – родительный падеж

Д. п. – дательный падеж

В. П. – винительный падеж

Т. п. – творительный падеж

П. п. – предложный падеж

Ед. ч. – единственное число

Мн. ч. – множественное число

Муж. р. – мужской род

Жен. р. – женский род

Ср. р. – средний род

× – обозначает противопоставление; после числительного: «раз»

Библиография

- АУМ II 1988 – *Атлас української мови: в трьох томах. Т. II. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі*. Київ: Наукова думка.
- Верхратський 1901 – І. Верхратський. *Знадоби для пізнання угорско-руських говорів. Ч. II. Говори з наголосом сталим*. Львів: НТШ.
- Ганудель 1981–2010 – З. Ганудель. *Лінгвістичний атлас українських говорів східної Словаччини. Т. I. Назви страв, посуду і кухонного начиння. Т. II. Ткацька лексика. Т. III. Назви будівництва і транспорту; Т. IV. Анатомічна та експресивна лексика*. Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво.
- Гнатюк 1900 – В. Гнатюк. *Русини Пряшівської єпархії і їх говори*. Львів.
- Куримський 1961 – А. Куримський. *Говірка села Новоседлиця Снинського району. Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury. Praha: VŠRL*.
- Латта 1991 – В. Латта. *Атлас українських говорів східної Словаччини*. Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво.
- Лешка 1973 – О. Лешка. *Говор села Убля восточной Словакии. Этюды по украинской диалектологии 1. Praha: Kabinet cizích jazyků CSAV*.
- Панькевич 1938 – І. Панькевич. *Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. З приложением 5 діалектологічних мап. Частина I. Звучня і морфологія*. Прага: Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavu v Praze.
- Bilský 2016 – J. Bilský. *Pádový synkretizmus v severošarišskom nárečí*. In: M. Giger, H. Kosáková, and M. Příhoda (eds.). *Slované: Souznění a konflikty*. Červený Kostelec – Praha: Pavel Mervart / FF UK v Praze, 21–32.
- Buffa 1995 – F. Buffa. *Šarišské nárečia*. Bratislava: Veda.
- Dudášová-Kriššáková 2001 – J. Dudášová-Kriššáková. *Východoslovenské nárečia z aspektu ukrajinsko-slovenských jazykových kontaktov. Kapitoly zo slavistiky*. Prešov: PU, 60–85.

- Hanudel'ová 1993 – Z. Hanudel'ová. Územné členenie ukrajinských nářečí východného Slovenska. *Slavica Slovaca* 28 (1-2), 178–184.
- Kuraszkiewicz 1985 – W. Kuraszkiewicz. *Uwagi o lemkońskiej gwarze Polanek i Komłoszy na Szaryszu. Ruthenica: Studia z historycznej i współczesnej dialektologii wschodniosłowiańskiej*. Warszawa: Państwowe Wydawn. Nauk.
- Mušinka – Mušinka 2011 – M. Mušinka, A. Mušinka. *Národnostná menšina pred zánikom? Štatistický prehľad rusínsko-ukrajinských obcí na Slovensku v rokoch (1773) 1881-2001*. Prešov: CAV.
- Štolc (ed.) 1981 – J. Štolc *Atlas slovenského jazyka II (ASJ II)*. Flexia. Bratislava: Veda.
- Vašíček 2020 – M. Vašíček. *Dynamika jihokarpatských nářečí*. Praha: Slovanský ústav AV ČR.